

Глава 1.

Улыбающиеся Минула половина 1499 года по имперскому календарю.

Следующий год — 1500-й. Фестиваль столетия, проходящий раз в сотню лет. В столице империи уже идут приготовления. До праздника еще полгода, но все уже в предвкушении.

В далекой деревне же о предстоящем событии почти не говорили.

Заезжие торговцы из имперской столицы приносили только слухи, которые крестьяне не слишком-то жаловали. Детям хотелось поехать и повеселиться на фестивале, поэтому взрослые беспокоились — все-таки деревня находилась рядом с территорией эльфов. На повозке, запряженной лошадьми, до столицы месяц пути, так запросто туда не поедешь.

Разумеется, фестиваль проходил и в деревне. Но крестьяне в основном просто пировали, играли на музыкальных инструментах у костра и танцевали всю ночь напролет. Готовиться к большому празднеству за полгода не было никакой нужды.

Крестьяне жили обычной жизнью.

И поэтому Имина Хаймати, как всегда, упражнялся с мечом.

Невысокий юноша напоминал проворного зверька.

Другой — высокий — походил на красивую статую.

У первого был деревянный меч, короткий и широкий, похожий на фальшион для дуэлей.

Узкое и гибкое деревянное оружие в руках высокого напоминало двуручную саблю.

Невысокий юноша мгновенно обрушил свой меч вперед, тут же отвел его назад и рубанул снизу вверх. Другой — с деревянной саблей — величественным взмахом парировал обе атаки и сделал точный выпад.

Это состязание, точнее, поединок, продолжалось около десяти минут.

В нескольких десятках метров от них, на небольшом холме, мирно щипали траву овцы и коровы.

В стороне от мальчишек сидела девушка, исполнявшая роль судьи. Внимательно наблюдая за ходом боя, она от скуки левой рукой поглаживала листья астрагала и, скорее всего, думала: «И что в этом интересного? Парни странные...»

К голове ребят прилила кровь. Они увлеклись и не обращали на девушку внимания. В пылу мальчишки крепко сжали губы, словно в радостной улыбке.

Однако поединок подходил к концу.

Атака сверху была критической. Оппонент блистательно отбил ее, и невысокий юноша потерял равновесие, но устоял на ногах и снова встал в стойку. Однако когда поднял голову, он не обнаружил своего оппонента. Ощувив присутствие позади, парень поспешно рубанул мечом с разворота, но такой неаккуратный удар никак не мог попасть в цель. Клинок рассек воздух, а верхнюю часть тела юноши свело от неестественной позы. Его противник остался спокоен и без лишних движений направил острие сабли на горло невысокого юноши.

На этом состязание закончилось.

— Ладно, хватит! — громко объявила девушка. — Поединок окончен.

Она смотрела ехидно, с вызовом, поэтому невысокий юноша — Имина — лишь мельком взглянул на нее.

Резко выдохнув, он заявил:

— ...Я проиграл.

Не девушке, а противнику, который его одолел.

Острие деревянной сабли медленно опустилось.

Оппонент Имины чуть улыбнулся, грациозно отшагнул назад и поклонился.

— Неплохо.

— Плохо! Такое чувство, что ты меня жалел, — грубо ответил Имина, вонзил деревянный меч в землю и бухнулся на траву.

Поддавшись раздражению, он взлохматил темно-рыжие волосы так, что они стали похожи на воронье гнездо.

— Твой меч точен. Даже я с трудом отбил бы такой удар, если бы ты двигался быстрее.

Прозвучавшие в ответ скромные и в то же время холодные слова ударили по самолюбию Имины.

Статный и красивый юноша.

Продолговатые глаза, обрамленные ресницами, изящный нос, тонкие губы, узкий подбородок и широкие плечи. Серебристые волосы, как лунный свет на волнах озера. Если не обращать внимания на рост, юноша был настолько красив, что его можно было принять за девушку.

Внешне он выглядел ровесником тринадцатилетнего Имины.

Но только по сравнению с людьми.

В отличие от Имины, который был человеком, юноша принадлежал к племени фей. Иными словами, он был эльфом.

Выглядывавшие из-под распущенных волос уши были длиннее, чем у людей, и острыми, как иглы. Сами волосы серебристые, обычного среди эльфов цвета.

Эльфы выглядели моложе своих лет. Сиржис Эндвейл на три года старше Имины — ему шестнадцать.

— А, черт! Снова проиграл, — вытянув ноги, крикнул в ясное голубое небо Имина.

И посмотрел на молчавшего эльфийского юношу.

— Я продолжаю тебе проигрывать.

— Я ведь тоже пока далек от совершенства, поэтому я не могу позволить тебе превзойти меня... но, признаться, теперь ты намного лучше управляешься с мечом — не даешь расслабиться.

Сиржис подошел и присел рядом с Иминой.

Выступавшая судьей девушка, будто следуя за ним, присела рядом.

— Правда? Сиржис, можешь с ним не деликатничать.

Имина помрачнел.

— Заткнись, а.

Девушку, старшую сестру Имины, звали Уруха Хаймати.

В этом году ей исполнится шестнадцать, как и Сиржису. Ярко-рыжие волосы и красивые губы, узкие глаза и стройные ноги. Ее окружала аура изящества. Однако ехидство разрушало весь ореол взрослости и привлекательности, за которые все в деревне ее хвалили, — по крайней мере, именно так считал Имина.

— Я не деликатничаю. Сегодня я мог много раз проиграть.

— Не хочу, чтобы ты проиграл, — игриво сказала Уруха Сиржису, садясь рядом.

А Имину одарила вызывающим взглядом.

— Человеку никогда не победить эльфа. У вас есть органическая некромантия. Если бы ты использовал Призыв, то стал бы намного сильнее, верно? Даже будь у Имины демонический меч, который можно использовать как сосуд некромантии, он бы не уследил за твоими движениями.

— Не в этом дело! — невольно стал повышать голос Имина. — В поединке между мужчинами Призыв не важен! Женщине не понять.

Ему не понравилась ее снисходительность к их с Сиржисом поединку.

Хотя Уруха сказала правду.

Органическая некромантия использует текущую в земле и всех существах духовную энергию. Эльфы умеют впитывать ее и таким образом усиливать свое тело. Их физические качества, зоркость и скорость реакции возрастают в несколько раз. Люди, обладающие намного меньшим духовным сопротивлением, на это не способны.

Если изначальные способности Сиржиса еще и усилить, разница между противниками станет колоссальной. Имина мог с ним соперничать во время практики только потому, что Сиржис не использовал органическую некромантию.

Конечно, не из жалости.

Использовать Призыв было бессмысленно. Во время тренировочного поединка нужно

прикладывать усилия, чтобы тренировать тело и оттачивать умения. Только то, на что ты способен сам.

Много лет прошло с тех пор, как Имина начал тренироваться с Сиржисом. Они тренировались вместе с того момента, как кое-как сумели держать в руках деревянные мечи.

Соотношение побед равнялось примерно сорока к шестидесяти процентам. Последнее время Имина постоянно проигрывал, и это отдавалось внутри раздражением.

— Верно, Призыв не важен, — улыбаясь, кивнул Сиржис, когда Имина начал сердиться. — Ведь органическая некромантия лишь повышает физические качества. Увеличение скорости и обострение восприятия бессмысленны, если основные умения не отточены. А в отношении владения мечом между эльфами и людьми... между мной и Иминой от природы нет большой разницы.

— Хм-м.

Уруха по-прежнему выглядела недовольной.

Спорить с Сиржисом она не стала и вместо этого вызывающе посмотрела на Имину.

— Тогда Имина проигрывает потому, что владеет мечом хуже тебя.

Девушка сказала правду. Это-то и раздражало.

— Сестра, ты такая шумная.

Имина демонстративно хмыкнул и отвернулся. Чувствуя себя так, будто горло кольнула деревянная сабля, он тайком почесал его.

Юноша посмотрел в выцветшее безоблачное небо. Запах травы и солнечный свет радовали душу, легкая влажность напоминала о раннем лете.

К осени он хотел отточить умения и хотя бы сравнять счет.

Он прищурился от слепящего света, когда у подножия холма раздался голос.

— Имина! Уруха, бра-ат!

Повернувшись, он увидел бегущую и радостно зовущую их фигурку.

Эльфийская девочка.

Ее острые ушки были очень маленькими и милыми, а их кончики напоминали скорее капли воды, чем иглы. Голубовато-серебристые волосы сверкали разноцветными бликами в солнечном свете.

Большие глаза, блестящие губы и очаровательное личико. Она производила впечатление наивной девочки и непроизвольно успокаивала окружающих.

По человеческим меркам девочка выглядела на двенадцать лет. Однако на самом деле ей, как и Имине, было почти четырнадцать.

Звали ее Эллис. Эллис Эндвейл — младшая сестра Сиржиса и подруга детства Имины и Урухи.

Эллис быстро бежала к ним, прижимая к груди большую корзинку.

Ее беззаботность вызвала у ребят и улыбку, и настороженность. Потому что в такие моменты всегда...

— Ах, она упадет.

— ...Не упади.

— Точно.

Вместе высказали они свои предостережения.

— Знаете, мы с тетей напекли хлеба... ай!

Великолепное «памс».

Маленькая девочка повалилась на землю.

Она либо поскользнулась на камне или траве, либо у нее просто подвернулась нога. Скорее, второе. Иногда она спотыкалась на ровном месте. Ее детская неуклюжесть. Но за эти годы она, похоже, приноровилась и сейчас вряд ли поранилась.

— Ау-у...

В этот раз так и случилось. Она неосознанно вывернулась в воздухе и вместо того, чтобы упасть лицом, плюхнулась на попу.

Корзинка, которую она прижимала к груди, тоже была цела.

Пожалуй, Имина был впечатлен. Ее можно назвать ловкой.

— Эх... снова, да.

Имина поднялся, подошел к потиравшей попу Эллис и, подав руку, помог подняться.

— Ты всегда падаешь, так что хотя бы не бегай...

— Но хлеб...

Свободной рукой она держала деревянную корзинку, содержимое которой было в полном порядке, несмотря на эффектное падение. От нее исходил вкусный запах орехов и пшеницы.

Хлеб, безусловно, был хорошо пропечен.

И она, должно быть, хотела принести его еще теплым.

— Понял. Не поранилась?

— Нет. Прости, Имина.

— Не извиняйся.

Увидев виноватое лицо Эллис, Имина усмехнулся.

— Ага, не извиняйся, — дразнящим голосом вставила Уруха. — Имина должен был предвидеть это, кинуться к тебе и подхватить. Поэтому он виноват, что не сделал этого.

Юноша нахмурился.

— Не выдумывай.

— Боже, это твой долг. Ты же рыцарь, который защищает эльфийскую принцессу.

— Прекрати...

Имина был сыт ее словами по горло, но не знал, что делать.

Уруха с давних пор твердила это.

Своего брата и Эллис она называла «принцесса и ее рыцарь», а себя и Сиржиса — «принц и его деревенская воздыхательница». Имине не нравилось это увлечение сестры. Неужели ей не стыдно?

Открывая крышку полученной от эльфийки корзинки, Уруха продолжала нести чушь:

— Но ведь это правда. Эллис на самом деле принцесса.

Сиржис помотал головой.

— Ничего подобного. Ни относительно моей сестренки, ни меня, — с усмешкой ответил он.

Однако девушка не остановилась.

— В человеческом обществе вы были бы принцем и принцессой.

На самом деле она была права.

Сиржис и Эллис родились в семье Эндвейл, которая в стране эльфов являлась одной из королевских.

Если точнее — «Домом вождя».

Страна эльфов состоит из шестнадцати кланов, что управляются главами семей, зовущимися «Вождями Дома». Из которых выбирается король путем голосования. Нынешний правитель — глава клана Эндвейл — отец Сиржиса и Эллис.

Однако.

— Трон не передается по наследству. Когда король умирает, старейшины — совет и священники — выбирают из шестнадцати претендентов следующего. Если вождь дома стал правителем, это не значит, что следующий будет из того же клана. Очень редко королей избирают из одной семьи два поколения подряд.

Рассказывая, Сиржис насмешливо фыркнул.

Хоть он и был из королевской семьи, не очень-то правильно примерять к ним с сестрой человеческие законы.

Эльф уже рассказывал ребятам это.

Несмотря на то что они были детьми избранного короля, к ним не относились по-особому. Юноша говорил, что они могут делать что угодно, хотя и несут некоторую ответственность как рожденные в семье вождя. И правда, в стране людей свободно играть было бы невозможно.

Человеческих брата и сестру охватили разные чувства.

Старшая сестра, Уруха, завидовала эльфам. «Быть знатью само по себе великолепно, но ничего при этом не делать еще лучше!», — говорила она.

Имина же, наоборот, сочувствовал. «Вы можете пойти поиграть в человеческую страну, но дальше пограничной деревушки зайти не можете, да? Вам, наверно, здесь тесно», — сказал он.

Хотя по-настоящему понять друзей они не могли. В эльфийском королевстве все было по-другому, к тому же Имина с Урухой родились в глухой деревушке и едва ли знали, как живет человеческая знать.

— И все же это замечательно.

Уруха пристально посмотрела на Сиржиса. Смущенный эльфийский принц ответил ей горькой улыбкой. Тем временем его младшая сестра Эллис смотрела на Имину.

— Эй, попробуй хлеб. Как тебе? Это я испекла.

Если точнее, на еду в его руках.

Похоже, эльфийскую принцессу больше беспокоил испеченный ею хлеб, чем ее социальное положение.

— Ты? Не мама?

— Тетя мне помогала, но я смолола муку, добавила в тесто орехи и поставила в печь.

— Хе-е.

С каких пор Эллис заинтересовалась готовкой? Точнее, человеческой кухней.

По сравнению с привычной людям эльфийская пища кажется очень простой. Можно сказать, эльфы как можно меньше обрабатывают продукты. Основная их пища — орехи, зажаренное с солью мясо и прочее. Разумеется, вкус и прилагаемые усилия тем более несравнимы. Однако Эллис давно увлеклась человеческой пищей и ее приготовлением.

Имина откусил от хлеба.

Снаружи хлеб ароматно пах, внутри был мягким и нежным, а текстура запеченных орехов прибавляла еще больше удовольствия.

И прежде всего, вкус привычный.

— Почти не отличается от маминого.

Этот хлеб ни в чем не уступал тому, что пекла мама Имины.

— Правда?! — Эллис сердито наклонилась вперед. — Эм-м, я смолола муку, слепила хлеб и добавила туда орехи!

— Это я уже слышал.

— Вкус правда такой же, как у тетиного хлеба?

— Ну, не точно такой же... но почти не отличается.

— Правда?!

— Сколько раз ты еще спросишь «правда?», прежде чем согласишься?! Правда, правда!

— Ура!

Эллис, широко улыбаясь, снова и снова спрашивала колеблющегося Имину.

— Вы тоже попробуйте! Ну же!

Эллис радостно протянула корзинку с хлебом Сиржису и Урухе.

Ее брат усмехнулся.

— Ну надо же, наконец-то ты повернулась к нам, простым смертным, — поддразнила ее Уруха, присоединившись к Сиржису.

— Точно. Имина у тебя всегда на первом месте.

— !..

Щеки Эллис запылали так же ярко, как цветы астрагала под ее ногами.

— Н-неправда.

— Успокойся.

— О, вкусно. Действительно не уступает маминому. С такими способностями ты без проблем справишься с моим глупым младшим братцем. И да, он обожает картофельную похлебку.

— У-у-у... Брат с Урухой вредины.

— Э, а... прости.

К счастью или нет для эльфийки, Имина почти не заметил ее смущения. Может, он еще не настолько повзрослел, чтобы рассматривать ее как девушку, а может, не догадывался о своем особом статусе. Однако слова Урухи «Имина у Эллис всегда на первом месте» возмутили его. Парень не понимал причины, но ему было неловко.

— К-кстати. — Словно пытаясь разрядить атмосферу, эльфийка сменила тему. — Тетя велела идти домой. Обед готов.

— Да, уже пора.

Имина посмотрел на стоявшее в зените солнце.

Принесенного Эллис хлеба хватало на два-три укуса, что лишь подогрело аппетит ребят. Булочки такого размера, несомненно, приготовлены по наставлениям матери Имины, Лилу. Она хорошо знала своих детей.

— Ах... Она попросила набрать перечной мяты, чтобы добавить в салат.

— У нас очень умная мама, да?

Уруха усмехнулась и посмотрела на кустарник на краю леса по ту сторону холма.

В таком месте перечная мята росла сама. Здесь ее было много и можно собирать сколько угодно, поэтому селяне не сажали ее в поле специально.

— Тогда давай побыстрее закончим. Вы ждите здесь.

Уруха потянула Эллис за руку и направилась к кустам.

Она немного испорченная и вредная, но заботится о других, причем настолько хорошо, что Имине не хотелось этого признавать.

— Эллис, давай я понесу корзинку. Если снова упадешь, можешь раздавить ее попой. Будет плохо и тебе, и корзинке.

— Ничего. Я ведь держусь за твою руку, Уруха.

— Вот и хорошо.

Девушки удалялись вместе, словно сестры.

Когда они порядочно отошли.

— А ничего, что мы и сегодня придем? — осторожно спросил Сиржис.

Он был взрослее и всегда беспокоился о подобном.

Имина нахмурился, ощущая одновременно и раздражение, и нечто вроде зависти. Это тоже было обычным делом.

— О чем ты? Вы нам как родные, а родным всегда рады.

Скромный красивый эльфийский принц выглядел как сказочный.

— ...Понятно.

— К тому же мама может попросить Эллис помочь.

— Ха-ха, точно.

Развеваемые ветром красивые серебристые волосы, острые уши, прекрасное лицо, белая кожа, стройные и длинные ноги и руки, а также благородное происхождение — все в нем было по-другому. Имина прекрасно это понимал.

— Вы во многом нам помогаете и с вами весело. Мне, сестре, маме... и всем в деревне.

Имина не ощущал между ними стены.

Он вспомнил, как эльфы — брат с сестрой — впервые пришли в деревню.

Поселение находилось на границе, но разные расы оставались по разные стороны. Между собой они не контактировали. Прежде далекие соседи, но однажды из леса появились эльфийские дети. Пока взрослые наблюдали издали, заговорить с ними осмелились только Имина и Уруха.

Имина — просто из любопытства. Уруха — из одержимости эльфами.

Заговорив с гостями, ребята узнали, что те интересуются людьми и пришли поиграть. Тогда брат с сестрой вызвались показать им все: дома, поля, водяное колесо, окраины деревни, небольшую пещеру, ставшую их секретной базой. До этого в деревне почти не было сверстников. Имине с Урухой приходилось общаться с детьми на пять-шесть лет старше. И они были счастливы встретить ровесников. Невинно шатаясь по деревне, ребята сдружились еще до конца дня.

Благодаря Имине и Урухе селяне вскоре приняли эльфийских гостей. Теперь же все были с ними знакомы.

— Мы такие же. — Сиржис тихо опустил глаза, потом снова посмотрел на Имину. — Страна эльфов скучная. Скучная и тесная. Мы дети из семьи хана, и для нас все еще хуже. Мы связаны традициями леса... В вашу деревню мы пришли в поисках спасения. А теперь я искренне рад этому. Мы узнали, что вне леса светло, а люди — не варвары.

Он замолчал и снова посмотрел вдаль.

— Нет, я рад не потому, что поладил с людьми. Наше величайшее счастье и гордость — знакомство с вами двумя.

— ...О-ох, прекрати.

Своими словами Сиржис смутил друга.

В красивом лице и движениях эльфа чувствовалось достоинство, в них не было места суетливости. В такие мгновения Имина считал различие между расами нечестным. Неудивительно, что его сестра сходит с ума по эльфам. Даже Имина испытывал подобное чувство.

Осознав, что смутил Имину, Сиржис изогнул брови.

— Я благодарен, что ты считаешь нас семьей, но позволь нам держаться чуть в стороне. Я не Эллис, но... человеческая еда вкусная. Готовка Лилу особенно хороша. Вам ничего не останется, если мы будем слишком часто приходить.

— Ты ведь ешь меньше меня, — рассмеялся в ответ на шутку Имина и подтолкнул Сиржиса локтем. — Если не хватит, мама с радостью приготовит еще. Не хватит продуктов — селяне поделятся с нами, а если нет, то мы можем просто добыть что-нибудь на охоте. К тому же в последнее время Эллис...

— Имина, брат! Мы закончили! — закричала с вершины холма та, о которой он говорил, будто стараясь перебить его.

Девчушка радостно махала рукой.

— Поспешим домой! Видите, я не только с хлебом помогаю!

— ...Именно.

Эллис случайно произнесла именно то, что хотел сказать Имина.

Поэтому он продолжил:

— К тому же в последнее время Эллис помогает с половиной дел. Вы всегда желанные гости.

— Тогда не буду сдерживаться. — Сиржис с вежливым выражением лица пожал плечами.

— Простите, что заставили ждать.

Обе девушки быстро подошли к юношам.

Уруха тянула Эллис за руку. Это была ее давняя привычка. Девушка беспокоилась, чтобы эльфийка не упала, прямо как настоящая «старшая сестра».

— Эй, о чем вы говорили?

— Что мы семья и все такое.

Однако больше Имина ничем в ней не восхищался.

Услышав это, Уруха заигрывающе посмотрела на эльфа.

— Семья, да... Эй, Сиржис, ты предпочитаешь девушек, которые умеют готовить?

И снова она сказала нечто странное, одновременно с тем, как бы невзначай, толкнула Эллис к Имине, а сама проворно прижалась к Сиржису, обхватив его руку своими.

— Ваши мужчины предпочитают таких женщин? — удивился Сиржис.

Он не знал. Эльфы и не стараются проявлять мастерство в готовке, поэтому их представление о хорошей жене и матери отличается от человеческого.

Имина улыбнулся.

— Я еще ни разу не видел, чтобы Уруха помогала маме.

Иронично отозвавшись о сестре, он посмотрел на Сиржиса.

— Давай после обеда еще сразимся. В следующий раз я не проиграю.

— Конечно. Но и я уступать не собираюсь.

— Ох, хватит уже. Вы только об этом и говорите!

Успокаивая надувшуюся Уруху, Сиржис — эльф и лучший друг Имины — улыбнулся, прямо как человек.

2

Деревня Салайдо, в которой жили Имина и Уруха, находилась на восточной границе империи Мидгальдз.

Эта часть империи — окраина континента, которым правят люди.

К востоку от Салайдо лежат леса непригодные для жизни людей.

Страна эльфов. Эльфийское королевство.

Люди называют его «Страна эльфов». Ее размер неизвестен, равно как и численность населения. Между странами подписан мирный договор, но реальных дипломатических отношений нет.

Страна эльфов находится глубоко в лесу, окутанная более плотной духовной энергией. Это источник жизненной силы всех обитателей этого мира. В отличие от эльфов, у которых сопротивление к ней выше, для человека эта энергия в избыточном количестве становится ядом. Поэтому люди не могут пересекать границу. Общение с любопытными эльфами, иногда приходящими поиграть, — вот и все взаимоотношения рас.

Салайдо — маленькая деревушка.

Она очень, очень далеко от столицы империи, поэтому тут почти не ведутся торговля и производство.

Сама жизнь здесь монотонна. Выращивание овощей и пшеницы на полях, охота на зверей, рубка деревьев в лесу (разумеется, не в эльфийском, а человеческом), ловля рыбы в реке — вот и все, чем занимаются селяне.

Население деревни — менее трех сотен человек, домов не больше пятидесяти. Все жители друг друга знают, ничего серьезного не случается и путешественники сюда не забредают. Даже детей мало.

Такая маленькая деревушка была по-настоящему тесной для настолько активного юноши, как Имина.

Однако парень любил ее.

Деревня Салайдо — маленький тесный сад — была ему дорога.

Возвращавшиеся с пастбищ селяне вели неизменную жизнь, установившуюся задолго до рождения Имины и Урухи, поэтому были беззаботны и добры.

— Привет, детишки Лилу. И вы, эльфы. Сегодня, как всегда, энергичны.

— Здравствуйте, Дольмоа.

У дороги с пастбищ стоял единственный в деревне постоянный двор. Содержал его Дольмоа — крепкий добрый мужчина средних лет. Подчиняясь своей жене Нане, сегодня он, как домохозяйка, развешивал в саду белье.

— Снова упражнялись с мечом? Мальчишки такими и должны быть.

Он кивнул на деревянный меч у Имины на поясе и ухмыльнулся.

— Ой, дядя, звучит не очень убедительно из уст человека, развешивающего белье.

— Ха-ха, малышка Уруха правда суровая. Ну, все так.

Уруха говорила с легкой иронией.

— Что делает тетя Нана?

— Обед готовит. Великолепно пахнет тушеным мясом, правда?

— Ах, судя по запаху, это олень, да? — спросила Эллис, глаза которой заблестели, когда речь зашла о готовке.

— Верно. Вчера мы поймали добротного оленя.

Уруха дразнила его, однако Дольмоа был превосходным охотником. В горах он мог одной стрелой убить большого кабана или оленя. Поскольку посетители на постоянный двор заходили нечасто, он обычно занимался работой в поле и охотой.

— Я благодарен за дары эльфов.

Дольмоа подмигнул Сиржису и Эллис.

Вероятно из-за близости к стране эльфов, в деревне принято благодарить их и называть добытое в горах и на полях «дарами эльфов». Селяне не заходили на чужую территорию. Однако это было заботой о соседях по ту сторону границы, дань уважения жителям леса.

Сиржис покачал головой.

— Вовсе нет. Вы сами поймали эту добычу.

— Здешняя живность ничто по сравнению с демоническими зверями в эльфийском лесу.

— Большой разницы между ними нет.

В это мгновение из дома послышался женский крик.

— Обед почти готов, развешивай белье поскорее!

— Да, я почти закончил... такие вот дела, простите. Поспешите домой к стряпне Лилу. Хотя моя жена готовит получше.

— Да-да, приятного аппетита.

Уруха подшутила над Дольмоа, расчетливо похвалившим жену, а потом компания двинулась дальше.

И так было каждый раз, когда они встречали односельчан.

Работающая на поле женщина опустила мотыгу и произнесла: «Дружны, как всегда».

Зазывальщица и торговец в лавке пытались казаться взрослыми и подшучивали над ними: «Легко быть детьми». Хотя всего два года назад сами играли с Иминой и остальными ребятами.

С легкостью несущий на плече большого кабана мужчина с седой бородой, проходя мимо, сказал: «Вечером будет хорошее мясо» и расхохотался. Несмотря на свои семьдесят лет, он был очень энергичным.

Игравший меж полей ребенок заметил Эллис и радостно побежал к ней, крича «эльфиечка». Девушка присела и погладила его по голове, но поморщилась, когда он нещадно потянул ее за острые ушки. Работавшая в поле мать выпрямилась и закричала:

— Эй! Что ты делаешь?! Ох... Простите за беспокойство.

— А-ха-ха, все в порядке.

— Ты что, нельзя так делать. Она эльфийская принцесса.

— М-м-мгх-х...

Отгаскиваемый матерью ребенок, похоже, хотел еще потянуть за уши Эллис. Наверное, потому что они совершенно отличались от обычных и вызывали у него любопытство.

Все разговоры с селянами проходили по-доброму и заставляли их улыбаться. Это были успокаивающие и теплые слова, но Имина все равно скучал.

Однако имелось одно исключение.

Когда Имина заметил живущего по соседству человека, Лакшуса, его сердце забилось быстрее.

— Привет. Как обычно, полны энергии, — спокойно поднял он руку, узнав Имину и остальных.

Ему было чуть больше тридцати. Руки и ноги закрывала прочная кожаная броня. На узком добром лице выступал шрам, идущий от лба до уголка левого глаза. Боевое ранение намекало на воинскую храбрость, скрытую под добродушием.

Лакшуса прислали из столицы на охрану пограничной территории. В основном ему предстояло уничтожать монстров, сбегаящих из страны эльфов.

Из-за влияния плотной духовной энергии флора и фауна той страны отличалась от человеческой. Демонические звери и демоны — опасные существа вроде церберов и саламандр, огров и гоблинов — время от времени забредали на эту сторону.

Но отец Сиржиса, глава семьи Эндвейл, твердой рукой управлял своим царством, и такое происходило очень редко. Поэтому Лакшус обычно помогал селянам с охотой и работой в поле.

— Привет, Лакшус!

И все же глаза Имины загорелись.

Его притягивала кожаная броня Лакшуса, натренированное тело и, прежде всего, покачивающийся на поясе меч.

Он отличался от охотничьих луков, тесаков, топоров и копий, которые люди держали в домах для самозащиты.

Это было оружие для использования Призыва.

Иными словами, демонический меч.

В отличие от эльфов люди не умели усиливать свои тела, вливая в них духовную силу. Из-за слабого духовного сопротивления она превратилась бы в яд, а тела бы перестали их слушаться из-за избыточной подпитки.

Поэтому люди изобрели свою технику Призыва с использованием неорганических объектов вместо своих тел. В качестве сосуда они брали такие предметы, как мечи и посохи. Это назвали неорганической некромантией. В отличие от эльфов которые вливали жизненную силу в свои тела, неживым предметам эта магия давала стихии, вроде огня или льда.

— Ха-ха, как обычно, по тебе не поймешь, меня ты приветствуешь или вот его.

Лакшус ухмыльнулся и кивнул на висящий на поясе меч.

Уже по ножнам можно было понять, что это боевое оружие. Ятаган. Лакшус уже несколько раз показывал завораживающе красивый клинок, выкованный из драконьего серебра и покрытый сверкающей сталью. Но больше всего юношу привлекало устройство вокруг рукояти — выгравированный узор и трубка зарядки духовной силы со спусковым крючком. Еще Имина знал, что в кожаном мешочке, висящем на поясе Лакшуса, лежали запасные колбы.

Назывался меч «Улыбка Лиминалии».

Лакшус любил это демоническое оружие.

Сейчас клинок сидел в ножнах, но, если наступит опасность, то Лакшус обнажит его. Тогда он достанет из кожаной торбы колбы — цилиндрические сосуды с высококонцентрированной духовной силой. Вставит такую в устройство, нажмет на спусковой крючок, духовная энергия вольется в выгравированную печать. Та в свою очередь запустит Призыв и перенесет его на клинок, высвободив определенную стихию. Иными словами, огонь, лед, кислоту, вибрацию, а иногда такие мечи даже содержали в себе силы гарантированного уничтожения — само воплощение разрушения. Уничтожение врага с одного удара...

В Имине, только мечтающем о таком, загорелся огонь желания.

— Ты и сегодня практиковался с мечом?

— Да.

— Впечатлен. Ты, видно, и навыки отточил, — довольный Лакшус широко улыбнулся. — Ну, не торопись. Развивайся шаг за шагом. Ты станешь прекрасным мечником. Я гарантирую.

Не утерпев, Имина спросил:

— Как вы?

— Не-е-ет. — Лакшус ответил отрицательно, но тут же сказал то, что Имина не ожидал: — Намного, намного лучше, меня... как твой отец.

Паренек непроизвольно вздрогнул.

Каждый раз, когда он видел оружие Лакшуса, перед глазами, как во сне, возникала картина.

Величественный храбрый мужчина с мечом в руке. Это одновременно был и Лакшус, и сам Имина, и тот, кого он никогда не знал, — его отец.

Его отец служил в императорских войсках.

Однако его больше не было в этом мире.

Его отец погиб, отважно сражаясь на войне с южными варварами, еще до того, как Имина осознал себя.

Лакшус находился в подчинении у его отца, командующего отрядом из ста человек, и, похоже, был у того на хорошем счету. После гибели командира Лакшус пожелал отправиться в эту деревню, на родину отца Имины, чтобы отдать долг.

Поэтому Имина с детства расспрашивал Лакшуса об отце.

Лакшус говорил: «Твой отец был смелым. Замечательным храбрым человеком, любящим свою семью и свою страну. Даже не знаю, сколько раз он спасал мне жизнь. Я много слышал о Лилу и о вас, так что не считаю вас чужими. Поэтому после его смерти я обязан защищать эту деревню вместо него».

Имина гордился. Гордился отцом и Лакшусом.

И поэтому хотел быть похожим на них.

Имина мечтал отточить умение владеть мечом, отправиться в столицу и стать превосходным мечником, защитником империи.

И тут...

— И-имина.

Эллис вдруг крепко сжала и потянула рукав Имины, взволнованно встретившего взгляд Лакшуса. Она выглядела встревоженной.

— Тетя ждет. Мы опоздаем на обед. Пойдем уже?

— Н-н? Ага, — кивнул застигнутый поведением Эллис врасплох Имина.

— Верно. Поспешите. — Лакшус сложил руки на груди и рассмеялся. Похоже, он воспринял слова Эллис серьезно. — Нельзя позволить блюдам Лилу остыть. Это будет упущением.

— Да. Пока, Лакшус.

— Ага, увидимся.

Они поклонились и помахали. Лакшус перешел через дорогу. Он явно шел домой обедать.

Вскоре Имина увидел свой. Дом, в котором они жили втроем, был чуть больше, чем остальные. Из него пахло хлебом, который недавно ел Имина, и жареной рыбой.

Они пришли домой. Уруха открыла входную дверь. Втянутый ею Сиржис произнес «Простите за беспокойство». И когда Имина собирался войти идущая позади Эллис...

— ...Эй.

Снова, дернув за рукав, остановила Имину, как и в прошлый раз.

— М-м, что такое? — повернулся он.

С еще более встревоженным видом Эллис подняла на него большие глаза.

И дрожащим голосом спросила:

— Ты хочешь стать солдатом, как Лакшус? Чтобы стать им, нужно пойти в военное училище, да? Далеко отсюда.

— Э.

— Я слышала, в солдаты берут с четырнадцати лет. А у тебя день рождения в конце года.

— Да, но...

— Когда тебе исполнится четырнадцать, ты уедешь в школу. И больше никогда...

В печальном голосе слышалось волнение.

И будто не желая, чтобы Имина уезжал, Эллис крепко держала его рукав.

Он хотел сказать «нет».

Конечно, Имина хотел стать солдатом. Он мечтал об этом, стремился к этому. Каждый день упражнялся с мечом. Ему действительно нужно покинуть деревню и пойти в военное училище, чтобы стать солдатом; он думал так поступить, когда ему исполнится четырнадцать.

Однако Имина не мечтал просто стать солдатом.

Он хотел стать воином и вернуться охранять границу.

Он бы вместе с Лакшусом последовал предсмертной воле отца и собственными руками защищал бы деревню, мать, сестру и эльфийских брата с сестрой, которые приходили сюда играть.

Смущение помешало ему сказать это.

Поэтому он потряс головой, стряхнул руку Эллис и, отвернувшись, сказал:

— Я не знаю, что будет дальше.

Имина взял ее за руку и потянул за собой.

— Ах...

Уволакиваемая им эльфийка нырнула следом. Юноша громко крикнул «Я дома!», чтобы скрыть смущение.

Конечно, поскольку это его будущее, то вскоре ему нужно будет определиться.

Но сейчас он очень сильно хотел сохранить привычное течение жизни.

3

А затем сменились времена года, весна сменилась летом, затем наступила осень.

До начала 1500 года по имперскому календарю, до фестиваля Эры оставалось три месяца.

Жизнь в деревне Салайдо текла размеренно.

Однако Имина каждый день проводил в крайнем беспокойстве.

На то было две причины.

Во-первых, его будущее.

До его четырнадцатого дня рождения оставалось два месяца, пора было принимать решение. Иначе говоря, он за два месяца должен был определиться: остаться в деревне и продолжать упражняться с мечом, или покинуть ее и добровольцем отправиться в солдаты проходить обучение в городе.

Во-вторых, Сиржис и Эллис.

Эльфийские брат и сестра уже какое-то время не появлялись в деревне.

Случалось такое редко. Они всегда приходили раз в неделю, но их не было уже два месяца. К тому же это накануне дня рождения Имины.

Он хотел поупражняться на мечах с Сиржисом. Он хотел поговорить с Эллис. Тем более если он собирался покинуть деревню. Нет, ему это нужно для того чтобы решить, уходить или нет.

Имина должен был победить Сиржиса, чтобы понять, достаточно ли силен, чтобы отправляться в город. Он должен был серьезно, без смущения и неясностей поговорить с Эллис о своей мечте. Ему нужно было решить обе проблемы.

Имина изнывал от нетерпения. Они не могут не появиться до его дня рождения, но если не придут в следующие два месяца, не будет ли странным остаться еще.

Его старшая сестра Уруха тоже была недовольна. Однако не по такой серьезной причине как Имина, она просто хотела увидеть Сиржиса, в которого была влюблена.

— Интересно, что случилось?

Положив голову на стол в гостиной, Уруха испустила тяжелый вздох.

Полдень — подходящее время, чтобы выйти из деревни поупражняться с мечом и пособирать на холмах дикие цветы. Многие годы они вместе проводили дни. А сейчас, без своих

эльфийских друзей Имина и Уруха скучали.

— У девушки за два месяца может прическа измениться. Как Сиржис смеет не заглядывать к нам.

— Мне все равно, — посмотрел на старшую сестру Имина, бесцеремонно усевшись на подоконник.

Отвернувшись от нее, Имина посмотрел на свою ладонь. Он вспомнил ощущение от столкновения их с Сиржисом деревянных мечей. Вспомнил вес Эллис, когда он помогал ей подняться после падения. Как же давно это было.

Даже без Сиржиса Имина продолжал тренироваться с мечом. Время от времени просил Лакшуса о поединке. Но это было бессмысленно, если это не был Сиржис. Когда он тренировался один, ему недоставало соперника. А их с Лакшусом мастерство слишком разнилось, и Имина не напрягался. Парень не ощущал, что тренируется, если сражался не с ним - не с другом детства, с которым они все время сражались с раннего детства.

— Сколько еще вы собираетесь бездельничать? — закончив развешивать белье, их мать Лилу вошла в гостиную. — Не сидите в четырех стенах, а выходите наружу. Например, наберите диких растений, разнообразим сегодня ужин.

— Не хочу. Будь здесь Сиржис, я бы пошла.

— Не оправдывай их отсутствием свою лень. — ужаснувшись, мать пожала плечами. — Делайте что хотите. Кстати, я собираюсь заварить сладкий чай, но, полагаю, дети, которые отказываются помогать, его не хотят.

— Ужас! И не пытайся заставить нас его заваривать!

Уруха поджала губы и испустила преувеличенный стон. Лилу некоторое время смотрела на нее, фыркнула и исчезла на кухне. Характер дрянной и у матери и у дочери, подумал Имина, но вслух не сказал.

— Эй, Имина, ты ведь тоже недоволен, что не можешь увидаться с Эллис, да?

Когда мать ушла, Уруха принялась за Имину.

— ...Я хочу сразиться с Сиржисом.

— О, значит встретиться с Эллис ты не хочешь?

«Я этого не говорил», — хотел возразить он, но тогда она бы наверняка сказала: «Все-таки ты хочешь ее увидеть».

Поэтому он сменил тему.

— Интересно, почему они не приходят?

Впрочем, просто перешел к главному.

Уруха в ответ тоже встревоженно нахмурилась.

— Да.

Ребята не могли встретиться с теми, кого любили. Они хотели увидеть лица друзей, но те не появлялись. И это не эгоистичные чувства девушек, это искреннее волнение о других.

Имина и Уруха беспокоились не о себе.

Должна быть причина тому, что Сиржис и Эллис не приходят в деревню Салайдо.

Они чем-то заняты?

А может, заболели?

Может, с ними что-то случилось...

Брат и сестра не могли отправиться в страну эльфов, чтобы узнать о друзьях. Средств связи не было. Письмо доставить никто не мог — почтовые голуби, как и люди, не переносили плотную духовную энергию.

Поэтому Имина и Уруха могли только ждать.

— Эх. Если что-то случилось, они должны были нам сказать, — с угрюмым лицом пробормотала Уруха, будто обвиняя Сиржиса.

— Ага, — в тон ей ответил Имина. — Если бы они сказали что-нибудь, мы бы не волновались.

— Может, ему не через кого передать сообщение?

— Да, наверное, — безразлично отозвался Имина, поставив локти на стол.

Смотря вдаль, он ждал появления Сиржиса и Эллис. Но за окном двигались лишь колыхаемые ветром растения и белье.

— Боже... Трудно это, наверно.

Вернувшись с чаем Лилу увидела подавленных детей, вздохнула и беспомощно улыбнулась.

Но ни Имина, ни Уруха не захотели отвечать. Их мысли занимал не сладкий аромат сахара и мяты, а отсутствующие друзья.

«Если бы наши чувства их достигли. Я так беспокоюсь о друзьях, что хочу отправиться к ним. Нужно лишь пересечь границу, где духовная энергия нестабильна», — думая о бессмысленных вещах, он вздохнул.

Брат с сестрой не знали, достигнут ли их чувства страны фей.

Вскоре кое-что произошло.

Сиржис появился в деревне, когда до дня рождения Имины оставалось всего две недели.

Случилось это холодной ночью, предвещавшей наступление зимы.

Полночь прошла. Мать и сестра уже спали, в доме стояла тишина. Снаружи не доносился даже волчий вой, и Имина слышал только собственное дыхание.

В последнее время он много думал о своем будущем и Сиржисе с Эллис. Особенно перед сном, из-за чего засыпал позже всех в семье.

Шерстяное одеяло в этот раз казалось теплее, чем обычно, парня разморило. Имина расслабился и ощутил, как сознание проваливается во тьму. «Да, так я сегодня смогу уснуть без посторонних мыслей». Только он начал расслабляться, как...

«Бам!»

Тяжелый звук чего-то, стукнувшегося об окно.

— Н-н.

Имина еще не спал, лишь задремал. Он открыл глаза.

«Бам! Бам!»

Звук повторился снова.

Это не орехи осыпались. Имина приподнялся. Когда глаза привыкли к темноте, он перевел взгляд на фигуру за окном и смутно увидел развевающиеся в темноте серебристые волосы и белую, как молоко, кожу.

— ...Сиржис?

Имина не мог обознаться даже в темноте.

Прошло уже около трех месяцев.

Там стоял тот, с кем Имина хотел встретиться все это время, его близкий друг.

Удивленный юноша выскочил из постели. Потом кинулся к окну и открыл его.

— Ты, что случилось?! Придти ночью... нет, что ты до этого...

Громкий выброс эмоций прекратился сразу же, как только Имина увидел лицо друга.

Сиржис, которого Имина так долго не видел, выглядел очень изнуренным.

— Прости. Есть минутка?

Голос звучал настолько измученно, что Имина не решился дать волю эмоциям.

— ...Д-да.

Тело неожиданно остыло. Сердце екнуло.

В голове возникло множество вопросов. Чем Сиржис все это время занимался? Почему не появлялся последние три с половиной месяца? Почему внезапно пришел ночью? Но Имина все их проглотил — потому что Сиржис выглядел не как обычно.

Сиржис смотрел отчаянно, просто излучал напряжение.

— Понял.

Около десяти секунд они смотрели друг на друга.

Имина наконец кивнул. Он смог только кивнуть.

— Погоди немного.

Имина развернулся, надел висевшую на стене накидку и вышел из дома, стараясь не шуметь.

Сестра и мама не должны об этом знать. Сиржис явно этого не хотел. Он пришел только к нему, к Имине.

Узнав Имину, Сиржис молча пошел со двора. Это значило «иди за мной». Имина последовал за ним. Он подавил сильное желание начать спрашивать Сиржиса.

Луна была почти полной. Даже ночью было светло — опустив глаза, Имина увидел их тени. Темнота не мешала ему быстро следовать за идущим впереди юношей.

Выйдя со двора, они пошли вниз по дороге и примерно через десять минут пришли к лужайке на холме.

Тут они обычно сражались на мечях.

Сиржис остановился, повернулся и наконец-то посмотрел Имине в лицо. Сохраняя молчание, он будто провоцировал Имину. «Спрашивай что хотел».

Имина прищурился.

— Что случилось?

Глубокий вздох — Имина впервые видел, чтобы Сиржис так вздыхал — и он отрешенно ответил:

— Отец умер.

— Э...

Услышав это, Имина оторопел.

Отец Сиржиса и Эллис. Глава семьи Эндвейл, вождь Эндвейлов и король всех шестнадцати эльфийских кланов.

Эльфийский король мертв?

Имина с трудом представлял механизм общества на той стороне. Ему рассказывали только обрывки. Но он понимал, что это нечто очень сложное.

Для Сиржиса и Эллис их отец был прежде всего отцом, а уже потом королем.

Имина не знал, что сказать. Утешить Сиржиса, подбодрить или скорбеть вместе с ним? Имина не знал, о чем думает друг. Сиржис, казалось, терзался чем-то, а не грустил об отце.

— Эээ... ты как?

На ум ему пришел лишь неопределенный несмелый вопрос.

Сиржис закрыл глаза и...

— Это случилось три месяца назад.

И заговорил медленно, будто выдавливая из себя слова.

— Отец был вождем клана Эндвейл и Королем Страны фей. Он был великим эльфом. Нынешнему мне ни за что не стать таким, как он.

Он явно обуздывал чувства. Сделав паузу, Сиржис продолжил:

— Но я должен занять его место. Должен поддерживать клан вместо моего великого отца. Взвалить на себя заботу о будущем клана... Это обязанность старшего сына вождя семьи Эндвейл. Время не будет ждать меня, каким бы юным я ни был, каким бы суровым ни было положение. Я больше не могу оглядываться назад.

Сиржис крепко сжал в кулак трясущуюся руку, которая виднелась из-под плаща.

Его губы были бледно-красные.

Он твердо смотрел на Имину.

Имина непроизвольно сглотнул.

Что он хочет сказать? Вернее, что хочет выдать?

— Со смертью короля мой дом начал меняться. Нет, не начал... он уже изменился. И я должен исполнить свою долг и стать новым вождем.

— ...Так ты будешь новым королем?

Сиржис покачал головой.

— Нет. Нового короля избрали из клана Лилитгрейв. Я же просто вождь. Однако мое положение и мой долг тяжелы... непосильны.

— Вождь, да.

Так он больше не сможет вести себя, как раньше. Он больше не волен приходить в деревню, видаться с друзьями.

Когда Имина подумал об этом, Сиржис на миг посмотрел на него полными одиночества глазами.

И в следующий миг скривил губы в вымученной улыбке.

— ...Имина.

Он сунул руку под плащ и достал это.

И бросил его Имине.

— Э?

Длинный вытянутый предмет, вращаясь, прочертил в воздухе дугу. Рефлекторно поймав его, Имина понял, что это деревянный меч. Широкий обоюдоострый клинок в виде одноручного меча для дуэлей — тот, с которым Имина упражнялся каждый день.

Если Имина не ошибался, меч должен был лежать на заднем дворе. Должно быть, Сиржис взял его, перед тем как постучать в окно.

Сиржис быстро взглянул на меч и снял с пояса еще одно оружие.

Чуть изогнутую заточенную с одной стороны деревянную саблю. Его любимое оружие.

Сбросив плащ, эльфийский юноша отшвырнул его.

Взору Имины открылись стройные ноги и руки.

Несмотря на то, что тело Сиржиса скрывала одежда, Имина понимал, что оно хорошо тренировано, а мускулы прекрасны, как у статуи.

— ...Сиржис?

— Ты ведь хотел стать солдатом, верно? — тихо сказал Сиржис своему другу, человеческому юноше. — Тем, кто служит стране, защищает ее. Как и я. Но все наоборот. Какая ирония... твой день рождения, смерть отца. Сейчас идеальный момент сделать выбор.

Взяв деревянную саблю.

— Эй, ты чего...

Выдохнул, готовый к приближающейся трагедии.

— Я должен выбрать. Позволь мне решить так.

Почему-то голос Сиржиса прозвучал так, будто он искал помощи, и...

— Давай сразимся всерьез, Имина.

И в то же время убедительно.

— Сир... жис?

— Я поставлю свою судьбу на кон в этом поединке. Поэтому сражаться буду во всю силу. Я не говорю тебе поступать также. Тебе решать. Но запомни: если ты не сможешь одолеть меня... ты не сможешь защитить деревню и страну.

— !..

Сердце Имины бешено застучало.

Просьба стала вызовом. Иначе говоря, Сиржис желал серьезного поединка.

Имина напрягся.

Он понял, что это не шутка. Но не мог отказаться.

И в дополнение...

— Знаю, я заставляю тебя считаться с моим эгоизмом. Прости за это. Но... кроме тебя, Имина, больше некому. Это можешь быть только ты.

Если Сиржис сказал такое, Имина просто не мог не воспрять духом.

— Не извиняйся, Сиржис.

Имина поднял меч и подал корпус вперед.

Он не знал подробностей. Что это за поединок? Сиржис сказал, что вложит в него свое будущее, но что именно? Но если Имина Хаймати не ответит серьезно, то больше не будет лучшим другом Сиржиса Эндвейла.

Он потеряет право им быть.

— Понял, я буду серьезен. Проигрывать я не собираюсь, что бы ни случилось.

— ...Да, я тоже.

Пространство между ними накалилось.

Напряжение готовое вот-вот взорваться — сотни раз обозначенная во время тренировок грань. Они напряглись так, будто ставили на кон свои жизни. Нет — для них все так и было. Они не остановят мечи в последний момент, даже если бы те были из металла.

— ...Поехали!

Имина первым бросился вперед.

Опустив центр тяжести, он рубанул мечом по диагонали, снизу вверх. При попадании такой удар мог бы что-нибудь сломать, но Сиржис уклонился, без лишних движений, — просто сделал полшага назад.

Разумеется, Имина уже предвидел уклонение Сиржиса, включая необходимое для этого движение.

Пользуясь импульсом удара Имина повернулся и пнул Сиржиса. Не сумев уклониться, Сиржис заблокировал удар рукой.

Стоя на одной ноге, Имина из немыслимой стойки рубанул с другой стороны.

Противник защитился деревянной саблей.

Когда дерево ударило о дерево, пальцы до дрожи вцепились в рукоять. Редкое явление для Сиржиса. Его тактика заключалась в уклонении и парировании ударов. Если эльф блокировал лобовой удар, значит, не мог уклониться.

А атака продолжалась.

С силой замахнувшись мечом, Имина притворился, что наносит мощный удар — и тут же отвел меч. Стойка противника была нарушена. Не теряя времени, Имина ударил кулаком в левую щеку Сиржиса.

Но на этом его превосходство и закончилось.

Сиржис не стал снова вставать в стойку. Оставив движение тела инерции, он подсел, опустил меч и отпрыгнул в сторону.

Кулак Имины рассек воздух, Сиржис же приземлился чуть в стороне.

Теперь настал черед Сиржиса.

Имина ощутил острую, как лезвие, жажду крови.

Смело выступив вперед, Сиржис сделал молниеносный выпад.

Только Имина, сделав шаг назад, увернулся от первого удара, как сразу же последовали второй и третий. Солнечное сплетение, сердце, плечо — Сиржис целился в самые опасные точки.

После этой атаки невредимым ему не остаться, даже с деревянным мечом.

Четвертый удар был нацелен ему в горло. Сабля оцарапала Имине шею, он отбил ее, стерпев боль.

Но атаки не прекращались.

Ранее парированная сабля вернулась снизу. Прежде чем Имина успел заметить ее, она уже неслась по-диагонали с другой стороны. Имина чисто инстинктивно отступил назад, но Сиржис продолжал наступать. Разорвать дистанцию Имине было не под силу.

Сверху, в грудь, из-за плеча, по диагонали. Точные атаки с выпадами продолжались.

Имина отчаянно уворачивался. Потом решил принимать удары. Когда Сиржис последний раз настолько напряженно атаковал? Клинок как будто окутывали его эмоции.

Каждый из многочисленных ударов был тверд.

Физически Сиржис был сильнее обычного, но что важнее — через меч передавались его чувства.

Не то чтобы он положился на инстинкты и просто махал мечом. Удары были холодны и спокойны, сдержанны и блестящи. Это несомненно был меч Сиржиса.

Но что-то в его душе было не так, как на тренировках.

В начале Сиржис сказал, что поединок серьезный. Именно. В каждый удар он вкладывал все, что имел, атаковал своими заветными чувствами. Несомненно, Сиржис не мог выразить эти чувства словами, только мечом.

И принимал их Имина. Не Уруха, не Эллис — Имина.

Удары походили на мольбу.

Жаждающий ответа, чтобы принять решение.

Поэтому Имина сощурился и сжал зубы.

Найдя в атаках Сиржиса брешь, он пошел в контратаку.

Доносились звуки ударов не атаки и защиты, а лишь атаки.

Уклонение оборачивалось контратакой, Имина стал выискивать возможность атаковать между ударами и выпадами.

— Уо-о-о-о!

Сиржис, на лбу которого выступила испарина, отчаянно закричал.

— Ра-а-а-а!

Имина смахнул пот и тоже закричал.

И соударяющиеся под лунным светом мечи начали издавать доселе неслыханные звуки.

Они снова и снова замирали. снова и снова разрывали дистанцию. снова и снова прыгали друг за другом. снова и снова бросались друг на друга. Хотя у их мечей не было лезвий, они со всей силы и скорости рассекали воздух, срубали цветы, вырывали комья земли, кромсали одежду и ранили кожу. Они запыхались, плечи неистово вздымались и опускались, размазались слабые очертания теней. Напряженная атмосфера еще больше накалилась.

Тут Имина осознал, что улыбается.

Улыбается сквозь сжатые зубы. Стало весело. настолько весело, что он не мог терпеть. Настоящий поединок, во время которого даже моргнуть некогда, явно отличался от обычной тренировки, но именно это было весело. Даже деревянным мечом можно сломать кости, повредить внутренние органы, а в худшем случае и лишить жизни. Однако Имина был не против. Именно поэтому поединок радовал его.

Он чувствовал духовный подъем, потому что всерьез скрестил мечи с лучшим другом, а может, и из-за самого поединка. Имина не знал. Не знал, но ощущал, что может бесконечно совершенствовать разум и тело, пока полностью отдается битве. Он ощущал, будто идет туда, где прежде не был.

Сиржис же наоборот, становился все серьезнее и серьезнее.

Он брал верх в поединке. Неудивительно, если бы один из них упал во время боя. Несмотря на это — нет, именно поэтому он крепко сжимал губы.

Сиржис смотрел так пристально, что казалось, будто в глазах пылает огонь, а взгляд колющий, как лед. Даже побеждая, он двигался как раненый зверь. В момент неудач излучал жажду крови, напоминая преследующего добычу охотника. Он впился в рукоять деревянной сабли и

шагал, не отрывая ног от земли. Ему было совсем невесело. Скорее наоборот, он выглядел так, будто испытывал боль. Словно его молитва и рука, протянутая к свету, не достигли цели, а он сам едва дышал, будто взбирающийся на гору отшельник.

Имина не замечал страданий на лице Сиржиса.

Сиржис не замечал радостного лица Имины.

Имина желал продолжать бой вечно.

Сиржис, должно быть, хотел закончить его как можно скорее.

Тем не менее каждый вкладывал в поединок всего себя, всю душу.

Сколько уже продолжается поединок: полчаса, час или больше?

Скоро он закончится.

Вопреки противоречивым лицам сражающихся, бой шел честно.

Иначе говоря, только по их способностям.

После более чем двенадцати минут вложения сил, чувств и физических умений в поединок, наконец-то появилась небольшая возможность. Возбуждение, усталость и сосредоточенность достигли пика, и был нанесен решающий удар.

Два силуэта под лунным светом до ужаса контрастировали.

Имина сидел на земле и сжимал правую руку, на которую пришелся удар. Сиржис же взирал на него сверху вниз, направив конец сабли на горло.

Деревянный меч Имины валялся метрах в двух от них Юноша больше не мог его подобрать.

Победитель стоял, побежденный сидел. Победитель держал меч, побежденный его лишился.

Объединяло их только тяжелое дыхание.

— Победа... моя, — тихо и хрипло сказал Сиржис.

Он впервые объявил свою победу. Обычно, проигрывал он или выигрывал, это делал Имина. Но сегодня это сказал Сиржис. Будто убеждая кого-то, кого здесь не было.

Имина не мог объявить свое поражение.

Он прикусил губу, опустил голову и вцепился в траву, забыв о ноющей руке.

На его глаза выступили слезы. Проигрыш обескуражил его. Такой веселый бой закончился. Он осознал, что его умений оказалось недостаточно.

Сказанное Сиржисом в начале поединка больно ударило в грудь.

«Если не сможешь одолеть меня, не сможешь защитить эту деревню и страну».

Имине будто сказали, что он не достоин стать солдатом. Ты еще ребенок, воплощение этой мечты тебе не по силам.

— Спасибо, Имина.

Сиржис отвел саблю. Имина не мог поднять головы. Получить благодарность было обидно. Он подумал, что лучше бы уж его пронзили и добили, хотя понимал, что это всего лишь прихоть побежденного.

Тем не менее эльфийский юноша поблагодарил его.

— Я рад, что ты сражался серьезно.

— Я...

— Я принял решение и пойду своим путем.

Сабля вернулась на пояс к Сиржису. Потом послышался шелест подбираемого с земли плаща. Имина по-прежнему смотрел вниз и не двигался. Незаметно для себя он заплакал. От отчаяния, печали, от странного чувства потери. Слезы не останавливались.

— Повторю, я очень благодарен тебе, Имина.

Назвавший его имя голос звучал мягко как никогда.

Имина почему-то ощутил, что с Сиржисом — своим лучшим другом — он больше не встретится.

Поэтому он должен поднять голову. Поднять голову и посмотреть на него. Он о многом хотел спросить друга. Почему Сиржис вызвал его на поединок, какое решение он принял. И что сейчас делает Эллис.

Однако Имина не мог даже посмотреть на Сиржиса, не то что остановить слезы и спросить.

Шаги удалялись.

Даже смешиваясь со всхлипами, они звучали четко.

<http://tl.rulate.ru/book/32647/802671>